

Феномен прецедентности и прецедентные феномены

Дискуссия состоялась в ИЯ РАН 28.01.98.¹

В дискуссии приняли участие:

*© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин (ИЯ РАН),
кандидаты филологических наук Д. Б. Гудков и В. В. Красных (филологический факультет МГУ),
старший преподаватель ЦМО МГУ Н. П. Вольская, 1998*

- Красных.** Предлагаю, во-первых, обсудить понятие прецедентности. Что это такое? Какие феномены обладают этим качеством? Где проходят границы внутри самих прецедентных феноменов (ПФ), можно ли говорить о некоторой классификации? Соответственно, где граница прецедентности?
- Сорокин.** А вы сами как считаете, существует прецедентность или нет?
- Гудков.** Мы считаем, что существует.
- С.** А что это такое?
- Г.** Некоторые структуры (использую это слово не как термин), которые не создаются заново, а воспроизводятся. Из этого следует, что существуют самые разные прецеденты в зависимости от порядка рассмотрения.
- С.** Имеет смысл упомянуть понятие прецедента в юриспруденции. Очень, кстати, близкое тому, которое мы обсуждаем. Что это такое? Факт, поступок и вещь.
- К.** Но мы говорим не о факте.
- С.** Смотря как понимать факт.
- Г.** Не считая себя специалистом в юриспруденции, замечу, что ее интересуется, наверное, не столько сам факт, а то, что можно назвать структурой, т. е. взаимоотношения между определенными элементами, позиции, которые возникают в тех или иных ситуациях.
- С.** Но позиции возникают после того, как вы признали, что существует некоторая вещь, факт.
- Г.** Совершенно верно.

¹ Все, заинтересованные в данной проблематике и желающие принять участие в дальнейшем обсуждении феномена прецедентности, могут посылать свои материалы по адресам: 119899 Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1 Гум. корп., филологический факультет, ауд. 836, Гудкову Д.Б. и Красных В.В.; 103009 Москва, Большой Кисловский пер., 1 / 12, Институт языкознания РАН, Сорокину Ю.А.

- С. Первое свойство прецедента, видимо, повторяемость.
- Г. Соглашусь.
- С. Второе свойство, очевидно, маркированность — не каждый день убивают на Кустанайской улице.
- К. Но кошельки крадут каждый день.
- С. Это значит, что внутри маркированности возникает сильная и слабая маркировка. Это в самом общем виде. Мы не касаемся пока той сферы, которая нас интересует. Три признака мы уже наметили. Да?
- Г. Проблему маркированности я хотел бы обсудить позже.
- С. Нет! Лучше сразу.
- Г. Боюсь, что это может далеко нас увести, но вот в чем дело: маркированность для кого и маркированность когда. Ведь какой-нибудь машинальный жест... Например, в к/ф “Мертвый сезон” главный герой особым образом ощупывает собственное лицо, т. е. для него и людей, которые близко его знали, жест этот вовсе не воспринимался как знак, не имел значения.
- С. Вы берете очень сложный случай, ведь его наблюдали со стороны.
- Г. Конечно, но для тех наблюдателей, которые пытаются его разоблачить, этот жест является маркированным.
- С. Можно, вероятно, говорить о жестах (знаках) отрефлексированных/неотрефлексированных. В вашем примере мы имеем дело со вторым типом. Значит, еще один признак появился.
- Г. Если же рассматривать эти вещи при межкультурном контакте, то легко заметить: то, что является для одной культуры немаркированным, маркировано в другой.
- С. Стоп, стоп! Вы хотите сейчас прыгнуть в межкультурные контакты и в художественные тексты. Нет! Подождите. Четыре признака мы установили. Вроде, все с ними согласились.
- К. Можно повторить еще раз? Во-первых, факт?
- С. Да, очевидно. Факт, но в широком смысле этого слова.
- К. Второе?
- С. Маркированность.
- Г. Повторяемость и отрефлексированность.
- С. Да. Мера его слабой и сильной рефлексии. Вы, очевидно, судя по вашим анкетам, не занимаетесь прецедентами, которым можно приписать слабую отрефлексированность. Вы говорите о феноменах, которые характеризуются сильной рефлексивностью.
- К. Это та проблема, о которой говорил Митя. Разные уровни прецедентности. Можно говорить о степенях отрефлексированности. Автопрецеденты, какие-либо социумные прецеденты, национальные преце-

денты, универсальные прецеденты. И на самом деле очень многие вещи не поддаются саморефлексии.

С. Безусловно.

К. Но как только сталкивается энное количество предметов, в самом широком смысле этого слова, сразу все становится ясно. Жест, о котором шла речь, для идентификации данного предмета оказывается маркированным. В кругу семьи этот признак оказывается нерелевантным, когда же этого человека нужно найти, этот жест становится дифференциальным признаком. То же самое происходит с “культурными предметами”, если возвратиться к интересующей нас области.

С. Можно, таким образом, сказать, что существуют идиолектные прецеденты, но автопрецедентов, видимо, не существует. Их сфера распространения значительно уже, потому что автопрецедент, наверное, связан будет с проблемой его осознания как такового, но осознать будете только вы. Вы его не передаете другим, как в той сцене... Когда он делает этот жест, он, очевидно, знает, что это такое.

К. Но это, скорее, машинально.

С. Но он знает. Представьте себе, что вы знаете, как подходите к умывальнику, несмотря на весь автоматизм того, что вы делаете...

К. Это вопрос спорный. Когда сороконожку спросили, как она ходит... Словечки любимые... Человек может их не фиксировать, им это не осознается.

С. Но всегда должен быть наблюдатель. Вы же говорите с точки зрения наблюдателя. В любом случае, признаки мы уже выделили.

К. Мы говорим о признаках ПФ. С этой точки зрения слово тоже можно рассматривать как ПФ. Давайте возьмем слово как феномен. Слово — это факт? В широком понимании — факт. Повторяется? Повторяется. Маркировано? Может быть маркировано, а может быть и нет. Поддается рефлексии? Что в данном случае может поддаваться рефлексии? Словоупотребление? Или значение? Или еще что-то? Это получается очень широкое определение. Оно подходит практически для любого феномена, существующего в языке. Но нам надо отграничить собственно ПФ от феноменов непрецедентных. Мы приняли рабочее понимание ПФ как таких, за которыми стоит некий инвариант восприятия.

С. Это что тогда? Прецедентность?

К. Да. Мы можем определить ПФ. Но что такое прецедентность как феномен, нам не удалось сформулировать. Что такое прецедентность как феномен?

Г. Анкеты показывают, что однозначно существует инвариант, стоящий за прецедентным именем (ПИ). Хочу сказать сейчас, чтобы потом

- уже к этому не возвращаться. На данный момент я обработал 88 анкет, интересно, что вне зависимости от региона или социума ситуация не меняется. Картина стала совершенно ясна после обработки 40-50 анкет, последующие ничего нового не добавляют, только дают материал для статистики. Теперь приведу только один пример. Такое ПИ, как *Павка Корчагин*. Можно говорить, что люди, которым больше 30 лет, знают это имя лучше, чем те, которым меньше 20, но и у последних знание этого имени порядка 70%. Оценки очень разные: от резко негативной (*фанатик, идиот, дурачок*) до явно положительных (как было написано в одной из анкет — *отважный герой за Родину*). Но ДП “идейность” включается почти во все ответы, один говорит — фанатик, другой — борец за идею, человек, готовый за идею отдать жизнь. Это ядро выделяется. Оценки же могут быть полярными.
- С.** Вышли тогда на еще один вопрос, чего так хотела Красных. Она понимает, что существуют прецеденты, но не понимает, что существует прецедентность как феномен.
- К.** Нет. Я понимаю, что она существует, я пока не могу четко сформулировать определение этого феномена. Очень часто меня спрашивают, что это такое. Интуитивно я понимаю, что это, но дать однозначного определения, типа “Прецедентность — это...”, я не могу.
- С.** Дима привел пример и ПФ, и прецедентности. Он рассказывал о том, что существует некий образ. В этом образе есть совокупность признаков. Видимо, этот образ, как и любой образ-символ, позволяет проделывать такие операции. С этой точки зрения, прецедентность как феномен есть, очевидно, очень многозначный, мозаичный и диффузный образ.
- Г.** Мне пришло в голову, что прецедентность — это такая специфика отношений, когда за А однозначно следует Б.
- С.** Следует признать, что это какие-то отношения между знаком А и знаком Б. Но смысл образа не в том, что он употребляется, а в том, что он навязывает или предлагает определенный эталон поведения. Следовательно, феномен прецедентности — это образ с некоторым алгоритмом поведения и некоторым алгоритмом оценок. Все, что обладает этими качествами, можно считать...
- К.** Прецедентностью?
- С.** Нет.
- Г.** Прецедентным феноменом.
- С.** На самом деле вы имеете дело с реализацией. За реализацией выделяется каких-нибудь пять классов образов... Всего лишь. Они могут быть описаны очень широко: “Это нечто, это образ, который указывает на то-то, на то-то...” И безотносительно имени или факта.

- Г. Существует же то, что Гаспаров называет коммуникативными фрагментами, если говорить уже не на индивидуальном уровне, всевозможные сращения, фразеологизмы, идиомы. То, чем, например, активно занимается Ирина Захаренко. Она в своих анкетах просит закончить высказывания типа: *А был ли... ; Администрация закрыта, все ушли на...* Информантам предлагается дописать эти фразы. И ясно, что для социализированного русского, немаргинала не представляет никого труда закончить подобные предложения. Говорить в данном случае о каком-либо образе вряд ли приходится, здесь важна элементарная последовательность слов. Как задается эта цепочка, ее продолжение следует совершенно однозначно. Это прецеденты.
- С. Безусловно.
- Г. Еще один момент. Возьмем элементарные речевые тактики или ритуализированное речевое поведение, т. е., когда мы с вами встречаемся, для нас обязательны определенные ритуалы: “Добрый День”, “Как дела?” и т. д. Здесь выбор совершенно ничтожен. Здесь я уже обязан выполнять некоторую речевую программу в зависимости от некоторого образца, эталона, т. е. прецедента. Например, речь приветствия комсомола съезду партии.
- С. К чему вы клоните?
- Г. Это то, что классифицируется нами как прецеденты, не потому что за ними стоит образ, а потому что это определенная жестко заданная последовательность. Последовательность развертывания текста, развертывания диалога, построения высказывания. Когда я начал, я должен продолжать только так, а не иначе.
- С. Я соглашусь, что прецеденты являются частью очень широкого класса, к которому относятся традиции и ритуалы. Они могут быть клишированными в очень сильной степени. Кстати, еще один признак — клишированность, можно говорить о сильной и слабой клишированности. Слабую клишированность мы не замечаем, мы к ней привыкли, но когда уровень ее повышается, мы ее начинаем замечать, и это связано с тем, что мы в данном случае имеем дело со специфическим видом прецедентов — с фатическими прецедентами. А это особый класс прецедентов, который в данном случае нас не интересует, который мы не рассматриваем.
- Г. Но они все оказываются очень связанными.
- С. Безусловно. Я бы сказал еще резче: мы живем в сугубо прецедентном мире, и не мной это было сказано. Да, мы их просто не замечаем. Но среди этих больших классов выделяются какие-то специфические, те самые, которыми вы, например, занимаетесь, они очень значимы как сумма и результат некоторых отсылок. Это — итог опыта, оценок

этого опыта, суммации текстового и нетекстового поведения. Мы экономим здесь время. Еще один признак — экономичность. Экономичность, о которой мы все время говорили: “Где экономичность в языке? Почему язык экономен?” Правда, я с этим не согласен. Язык антиэкономен. Но это другой вопрос. В нем существует и параллельная тенденция. Они взаимоуравновешиваются. Так вот, одним из способов экономии является прецедентность как таковая.

- К.** Это да. Меня, правда, смущает тезис о фатическом употреблении. Потому что мне кажется... Мы об этом говорили неоднократно. Прелесть вся в том, что из всех ПФ так могут использоваться, пожалуй, только ПВ. Иначе говоря, если это фатика, то теряется тот стержень, который делает феномен прецедентным.
- С.** Он не теряется. Но он вам в данном случае не нужен.
- К.** Тогда нет смысла употреблять сам термин...
- С.** Дело в том, что, помимо этого, существует сильная и слабая прагматичность у прецедентности. Мы договорились, что прецеденты входят в какой-то класс традиционных ритуалов, привычек, поэтому у них очень слабая прагматичность, мы ею жертвуем, чтобы выиграть на сильной прагматичности. Когда нам нужно... Существуют некоторые достаточно абстрактные понятия и ценности, которыми мы руководствуемся, даже критикуя и отрицая их. Понятия смерти, любви, нежности и т. д. — это, собственно говоря, совокупность образов. Тот феномен прецедентности, который ищет Красных... Они не могут существовать как некоторые явления сами по себе. Мы их должны представить в достаточно наглядном виде. Прецеденты помогают нам наглядно показать, что такое, например, нежность. Что такое “тургеневская женщина”? Что это за феномен?
- Г.** “Тургеневская женщина” — это как раз ПФ, за которым стоит совокупность некоторых сложных образов, которые мы редуцируем до совершенно конкретных.
- С.** Вы можете сказать о Лизе Калитиной, что именно она является реализацией того, о чем мы говорили. Это конкретный прецедент. Нам почему-то понадобился именно он, потому что гордость, нежность, самоотверженность — это абстрактные образы, “тургеневская женщина” — этот образ уже полуабстрактен. Человек, который не владеет в полной мере содержанием этого понятия, в ряде случаев не разбирается, к чему мы его отсылаем, тогда мы это понятие конкретизируем. Следовательно, выходит, что прецедент обязательно существует как некоторая пошаговая операция. Пошаговость прецедента тоже должна присутствовать. Видимо, то, что пошагово, в ряде случаев прецедентно, но не всегда.

- К.** Это алгоритм...
- С.** Но алгоритм в кавычках.
- Г.** Это то, что мы с Викторией активно обсуждали. Безусловно, происходит некоторая редукция. Анкеты демонстрируют весьма любопытные вещи с теми же прецедентными именами (ПИ). Не знаю, в какой степени можно назвать имя *гений* абстрактным, но для меня оно абстрактно. Что такое гений? У каждого человека может быть бесконечное восхождение к этому понятию.
- С.** Мы его конкретизируем и тогда...
- Г.** А мы говорим: Моцарт, например. Мы можем рассмотреть более сложный случай, скажем, *разносторонний гений*.
- С.** Это, конечно, Микеланджело.
- Г.** Вот тут могут начаться расхождения в зависимости от социума. Если говорить в кругу образованных людей, то можно апеллировать к Микеланджело и, наверное, Леонардо. Но если я прихожу к деревенским бабушкам и дедушкам, в сельскую школу и т. д. и мне надо выразить это понятие, я упомяну имя Ломоносова.
- С.** Скорее всего. Дима, это другой вопрос. Красных ведь настаивает на том, чтобы мы сосредоточились на онтологии. Ее тянет в онтологию. Немногих женщин тянет в онтологию, это надо ценить, между прочим...
- К.** Ха-ха-ха... Спасибо.
- Г.** Я с ней согласен.
- С.** Нужно признать, что однородной прецедентности а priori не существует. Чем больше мы будем знать о прецедентности, используемой разными социальными слоями, тем яснее будет становиться картина. Мы должны учитывать, что существуют прецеденты сильной и слабой когнитивной мощности.
- К.** Можно сказать по-другому: те ПФ, которые входят в ядро КБ, и те, которые являются элементами ее периферии.
- С.** Я с этим не соглашусь, потому что для каждого слоя, очевидно, будет свое ядро и своя периферия, отсылки телевидения, прессы это ясно доказывают.
- К.** Это то, о чем говорила И. Захаренко, основываясь на результатах своих наблюдений...
- С.** Периферия имеет свое собственное ядро, а внутри периферии идет свое расслоение, в котором тоже можно увидеть некоторые подклассификации. Я думаю, что существует некоторое общее ядро того, о чем мы говорили. Но оно достаточно абстрактно и связано с этим высоким классом образов. Собственно, не сами прецеденты можно счи-

тать ядрами, а... Ядро — это сам феномен прецедентности как совокупности этих образов.

Г. Последнюю мысль я не очень понял.

С. Мы говорили о нежности, смерти и их образах, существующих именно как образы.

Г. Некоторые ключевые концепты, как сейчас модно говорить.

С. Допустим. Но мне нравится образ. Потому что это не концептуализировано.

Г. Да, они не концептуализированы.

С. Абсолютно. Нет там никаких концептов, там нет когнитивности, есть в лучшем случае когитивность, больше ничего. Может быть, даже этого нет... Дело в том, что, говоря о прецедентах, нужно иметь в виду два вида инвариантности. Я бы выделял инвариантность, которая идет от школы и вообще от систем социализации личности, и другую инвариантность, которая предполагает очень широкий разброс мнений. Мы о второй инвариантности, по сути дела, судить не можем. Когда Красных говорит, что существует инвариант Анны Карениной, я бы из любви к женщинам и уважения к ним согласился. Но она может это говорить, когда будет иметь совокупность интерпретаций этого текста, сведение всех их предполагает, что мы получаем некоторый инвариант, касающийся только одного слоя, одного возраста, одного уровня образования и т. д. Таких инвариантов, следовательно, мы можем насчитать несколько, но тогда ломается само понятие инвариант. Инвариант школьный, навязываемый, носит другой характер. Нужно учитывать, что существует два класса прецедентов. Мы занимаемся прецедентами, которые относятся к научению, обслуживают это научение.

К. Мне кажется, в этом нет противоречия.

Г. Я согласен, что это не противоречие. Но здесь вот какой момент...

Вольская. Все общество прошло через эту школу, образование, т. е. некоторую базу для того, чтоб понять, о чем идет речь, я уже имею. Не может быть иного инварианта этого прецедента.

С. Да, но, например, проиграем такую ситуацию, когда мы имеем дело со школьными прецедентами, назовем их так...

В. Да, например, возьмем Толстого, Достоевского... т. е. то, что знают все...

С. Учтите, что общество в фискально-ментальных целях предлагает некоторую рамку, в которой вы и должны двигаться.

В. Согласна.

Г. Совершенно верно.

- С. Конъюнктура может быть очень разная: от “+” до “-”. Безусловно, происходит смещение. Можно эти школьные прецеденты понимать в том исконно заданном виде, в каком они предлагаются школой и, допустим, вузами. Но важно и другое. Если мы соглашаемся с тем, что не существует инварианта как такового (на мой взгляд, текст многоосмысляем), тогда возникает простая очень вещь: нужно докапываться до строения образа, учитывая, что в нем существует не только тот фрагмент, о котором мы говорим, если мы договорились, что это образ. Почему? Потому что возможно переосмысление, если уж пользоваться близкими примерами *Обломова* и других персонажей. Давайте обсудим, что это такое.
- Г. Сейчас объясню.
- С. Лентяй, да?
- Г. Да.
- К. Конечно.
- С. Нет! Ни в коем случае! Это как раз выученное.
- К. Это неважно, Юрий Александрович.
- С. Важно. Я говорю о том, что это только институализированный фрагмент, который мы пытаемся изучить. Он существует, но возможность существования другого фрагмента должна быть учтена.
- Г. Мы об этом все время говорили и писали. Мы всегда утверждали, что в сознании индивида может существовать минимум два образа, а может, и больше. Обратимся опять к тому, что дают анкеты. Ярким примером является такое имя, как *Стаханов*. Например, информант, имеющий высшее гуманитарное образование, старше 60 лет, в первом пункте анкеты дает такой ответ: *“Жертва режима, фальшивый рекордсмен”*. Следующее задание такое: *“Закончите предложение: У нас все его называли Стахановым, потому что...”* *“Он много работал”*, — пишет тот же информант. Таким образом, можно понять, что существует образ Стаханова — человека, который просто много работает. Трудяга, работяга — все это проходит по анкетам. При этом существует и другой образ. С *Сусаниным* еще более ярко: *“Русский патриот, ценой своей жизни спасший царя от поляков”*, но: *“Он называл своего друга Сусаниным, потому что... тот завел его в лес и заблудился”*. Мы говорим именно о втором образе.
- К. И это второе называем инвариантом.
- Г. И вопрос этимологии...
- С. Подождите, вы называете инвариантом то, что он завел в лес?
- Г. Да.
- С. В лес?

- К.** Завел в место, откуда выхода нет или он затруднен. Осознанно или нет — нерелевантно, как показывает обработка, которую проводит Митя. Здесь самое главное — завел (себя или другого — неважно, осознанно или неосознанно — неважно) туда, откуда выхода нет или он затруднен. Вот он инвариант. Это то, что Митя изначально назвал национально-детерминированное минимизированное представление.
- С.** Это лучше, чем инвариант. Да, минимизированное, да, представление, это то, что удачно один раз назвали локальными ассоциациями. Безусловно, это фокусированные локальные ассоциации, которые подчеркивают в факте значимые, устойчивые моменты. Думаю, лучше называть это так. Потому что мы договорились, что инвариант предполагает достаточно жесткое следование.
- К.** Правильно. Оно есть.
- С.** Но Дима предложил и другое — по Стаханову. Видите, противоречие наблюдается внутри.
- Г.** Юрий Александрович, я вот о чем. Если говорить только о восприятии... Люди часто начинали при ответе на вопросы анкеты о том или ином ПИ писать длинные эпистолы, высказывать свое отношение. Я говорю: “Представьте, что вы находитесь в трамвае. За вами стоят две женщины, которые обсуждают какого-то мальчика. “*Это будущий Моцарт*”, — говорит одна из них. О чем вы подумаете? Как она хотела охарактеризовать этого мальчика? И вы ответите: “*Редкое музыкальное дарование*”. Я могу, мы об этом тоже много писали, например, не любить Моцарта, считать его музыку легковесной, бездумной и т. д. Предположим, например, что мы говорим об этом с вами, я вас плохо знаю, у нас нет единого когнитивного пространства, и мне, например, Спиваков тоже очень не нравится, разве я скажу: “*Был я вчера на концерте Спивакова, это, конечно, Моцарт*”?
- К.** Никогда.
- Г.** Никогда не скажу, потому что, если я назову Спивакова Моцартом, то Вы решите, что я характеризую его как гения, выдающегося музыканта. В крайнем случае я дам развернутый комментарий: “Я не люблю Моцарта и поэтому так называю Спивакова”. Без комментария это не пройдет. Это же происходит и с так называемыми этническими стереотипами. Человек приехал из Англии и начинает мне объяснять, какие англичане нехорошие, пьяницы, хулиганы, дерутся постоянно, юмор ужасный... Но потом он говорит: “*У меня есть знакомый по имени Петя, он настоящий англичанин*”. Не скажет он так, желая охарактеризовать этого Петю как пьяницу и хулигана. Здесь та же проблема стереотипа или минимизированного представления, кото-

- рое жестко включает определенные дифференциальные признаки: чопорность, холодность, воспитанность и др.
- С.** Согласен. Но из вашего выступления я уловил мысль о том, что не все так просто обстоит даже с минимизированным представлением. Вы говорите об англичанине с двух разных точек зрения. У меня возник вопрос: а почему бы не принять ту точку зрения, которую предлагает Дима?
- Г.** Потому что это будет моя индивидуальная точка зрения.
- В.** Большинство принято считать, что англичане чопорные и т. д. Не знаю, как сложилось это представление, но оно сложилось.
- С.** Я не думаю, что мы имеем здесь дело с тем, что мы обсуждали. Видимо, следует ввести тогда другие понятия. Если говорить о прецедентах, возникает проблема реальных прецедентов и квази-прецедентов.
- К.** А что такое квази-прецеденты?
- С.** Стереотипные, зачастую ничем не подтвержденные представления.
- Г.** Вы встаем на очень шаткую почву. А что есть подтвержденное? А вы уверены, что это не является подтвержденным?
- К.** Думаю, что стоит развести стереотип и прецедент, как я это делаю, извините. В основе ПФ лежит некий феномен, который существовал или существует. Некий единичный феномен, на основе которого сложилось инвариантное восприятие. С другой стороны, стереотипы, которые при широком понимании прецедентности тоже могут быть отнесены к прецедентам, но, с точки зрения строгой классификации (я понимаю, что это очень грубо и мы отсекаем много живого материала, но пойдем на это, чтобы выделить скелет системы), нужно различать ПФ и стереотипы. За стереотипом не будет стоять конкретный англичанин, который когда-то с кем-то чопорно себя вел. Мы не найдем такого единичного феномена. Можно назвать это квази-прецедентами, я называю это стереотипами.
- С.** Согласен, пожалуй. Тогда выясняется, что мы отделяем прецедентность от всех других явлений...
- К.** По факту.
- С.** Да... Даже еще лучше — по маске некоторой, по лицу. Прецедент — это обязательно персона, хотя так и не нельзя сказать.
- Г.** А Кошей Бессмертный?
- С.** Персона! Тогда это удобно. Тогда мы отходим от того, что должны рассматривать также и стереотипы. Стереотипные представления достаточно расплывчаты, и они указывают на такую широкую область, в которой мы не можем определить, где истина, а где ложь, полупричина и полужошь.

К. Да.

С. Договорились.

Г. Хорошо, после обсуждения этого круга проблем я хочу вернуться к тому, о чем мы говорили. Все-таки с текстом, именем нам более или менее понятно, но давайте рассмотрим то, что Прохоров называет прецедентными прагмореклексами. Вопрос об удачности термина сейчас не ставится. Это закономерные реакции. Например, “Пробейте мне талон” и определенная последовательность действий (вербальных и невербальных), которые за этим следуют.

С. Это не прецедентность, с моей точки зрения.

К. Это, я считаю, определенный стереотип, стереотипная ситуация, ее можно по-разному толковать.

С. Можно назвать это стереотипом, не более того. Это не имеет отношения к прецедентам.

Г. Таким образом, сценарии ван Дейка, всевозможные скрипты, схемы мы...

С. Это не прецеденты. С нашей точки зрения, это не прецеденты. Это другой широкий класс ритуальных операций, который мы не учитываем, потому что, если возражать Прохорову, это — да, прецедент, но с нулевой значимостью. Нулевую значимость в данном случае мы не рассматриваем.

К. Что значит нулевая значимость? Понимаете, это нулевая значимость при моносоциумном общении.

С. Да, безусловно.

К. При общении представителей разных социумов сразу появляется значение.

Г. Это другой вопрос. Я согласен, это не поступок, это ритуал.

С. Это можно назвать автоматизированными прецедентами и прецеденты поставить в кавычки. Ими мы не занимаемся.

К. Да.

С. Это особый разговор, связанный с фатическими явлениями и т. д., и т. п.

Г. Меня эти явления интересуют. Я их все пытаюсь развести или свести, потому что есть определенные ситуации, когда в том же политическом дискурсе они оказываются очень тесно связанными друг с другом. Вопрос о границе “сценарности” или свободы достаточно сложный, и однозначно сказать, что это ритуал, а это поступок...

С. Нельзя.

Г. ... довольно трудно. Некоторые случаи достаточно понятны, например, речь работника загса перед новобрачными. Это на 100% ритуальное поведение.

- С. Прогноз погоды, например.
- Г. Да. Но... там все-таки есть какая-то информация. В первом случае она вообще отсутствует.
- С. За этими фатическими единицами очень глубокая информация. Участники ощущают ее очень четко. Некоторые с горечью, а некоторые с любовью.
- К. “Неужели это на всю жизнь?”
- С. “Наконец попался!”
- Г. Дело в том, что то, что мы называем ПФ, очень тесно связаны с этими вещами. В прошлом году на совещании о политическом дискурсе я сделал весьма сумбурный доклад на эту тему. Я этим не занимался постоянно, но, рассмотрев несколько номеров газет “Завтра” и “МК”, набрал некоторое количество имен, на которые там ссылаются. В основном я ориентировался на имена в предикативной позиции: метафоры, сравнения... Это два совершенно разных мира.
- С. Хочется надеяться, что когда-нибудь мы сможем описать комплексы ценностных установок, представляя их только через сумму прецедентов. Для характеристики того или иного слоя, тех или иных деятелей мы можем приписать в качестве предикатов некоторые прецеденты. И этого для понимающих людей будет достаточно.
- Г. Этого и сейчас достаточно. Потому что, даже если сейчас любому москвичу я покажу два списка, в одном из которых будут фигурировать, боюсь сказать на память, такие имена, как Фрейд, Ницше, а в другом — Илья Муромец, Суворов... Вот я только по два имени назвал, скажите мне, из какой газеты какие?
- С. Можно судить об ориентации.
- Г. Конечно. И те, и другие имена могут встречаться в каждой из газет, но в моем списке было имен по двадцать, и такие списки дают достаточно четкую картину.
- С. Значит, мы приходим к тому, что мы этим занимаемся не только потому, что хотим обучать. Мы косвенно выходим на изучение того, что называют ментальностью. Прецедент — это знак ментальности, определенным образом аранжированный. Это нужно подчеркивать. Заметьте, что по сравнению со стереотипом этот знак персонифицирован, это тоже показательно.
- Г. С этой точки зрения нужно говорить о национальной специфике прецедентов.
- С. Ой! Я боюсь об этом даже говорить. Лучше всего описать русских, а на новом прыжке выходить на сопоставление прецедентов в других культурах.

- Г.** Дело в том, что в данный момент мы на сопоставление выходить и не можем. Необходима очень широкая картина сопоставления с самыми разными языками. Мы к этому пока не готовы, но можно анализировать отрицательный материал, который у нас есть и который проясняет некоторые вещи в нашей картине мира. Я не хочу сказать, что, скажем, у японцев это так, а у нас так, но я вижу: то, что не замечает русский, на это сразу же обращает внимание японец.
- К.** Я думаю, что одно дело — говорить о национальной специфике, отличающей одну систему от другой, и другое — показать некоторые характерные черты. Мы говорим скорее не о национальной специфике русских ПФ, но о характерных чертах...
- С.** Добавлю, что сейчас есть экспериментальная работа, в которой на основании опросов сопоставляются образы финнов и русских. Там нет прецедентности в нашем понимании, но есть нечто другое, что может служить точкой отсчета для рассуждения на эту тему. Если говорить, что структурные свойства родного языка яснее выступают на фоне сопоставления с другими, я с этим, пожалуй, соглашусь. Но я не согласен, что структурные свойства родного языка и картина мира могут выявляться только в сопоставлении с большим рядом других языков. Компаративистика многие годы только этим и занималась. И что? Каковы результаты? Где они? Почему это не дает ничего для дальнейшего рассуждения? Все уже вроде бы есть. Сколько времени мы уже сравниваем одно с другим! Хорошо. Описали какие-то структурные свойства, но оказывается, что из этого ничего не следует. Получается, что существует нечто, что их различает. И я задаю вопрос: что это? И зачем тогда сравнивать?
- Г.** Это нас уводит далеко в сторону.
- С.** А второй вопрос у нас какой? Дима, кажется выговорился. Слава Богу!
- Г.** Нет, я еще могу долго...
- К.** Второй вопрос связан с первым. Правда, границы прецедентности мы так до конца и не оговорили, но этого, может быть, и не стоит сегодня делать. А второй вопрос уже в нашей сегодняшней дискуссии прозвучал: это проблема когнитивной базы (КБ). Существует ли она? Какова ее структура? Каковы ее границы? Вы сегодня одну идею высказали, и я вскрикнула, что Ира Захаренко это привезла из провинции... Мы начинали в рамках Москвы, апеллировали к своему опыту, и наши наблюдения и размышления привели нас к тому, что надо говорить о каких-то ядерных элементах и периферийных элементах. С этим поехали на окраины. И экспериментальный материал Ирины показал, что то, что мы считаем ядром, в провинции может оказаться перифе-

рией, и наоборот. В глубинке к ядру относится то, что для нас, наверное периферия — фольклор, “преданья старины глубокой”... С домовыми и лешими бабушки в деревнях живут постоянно. Но вопрос остается. Можно ли говорить о существовании единой национальной когнитивной базы? Ее границы, вероятно, будут горизонтальными. Скажем, где проходит граница между русской и украинской КБ? Там будут зоны пересечения, наложения. Но в какой-то момент мы говорим: это русская база, а это украинская база. Где проходит эта граница? С другой стороны, границы вертикальные. Вопрос, который остался открытым, я на него однозначно ответить не могу. Скажем, русская КБ XIX века и современная русская КБ. Это разные базы или одна? Для ответа нужен специалист, который очень хорошо представлял бы себе жизнь XIX века. Какие-то элементы мы можем выделить. Так, читая “Евгения Онегина”, мы находим массу прецедентов, которые не нуждались в комментариях в прошлом веке, а сейчас необходимо должны быть откомментированы. И Лотман и другие ученые создают тома комментариев, которые по объему значительно превосходят сам текст.

- С.** Следовательно, существует однозначный ответ на ваш вопрос.
- К.** Не знаю, насколько он однозначный. Я боюсь так говорить.
- С.** Я не считаю случайным появление комментариев такого типа. Думаю, произошел значительный разрыв, связанный даже с простыми, казалось бы вещами, допустим с ломкой бытовых и других привычек...
- К.** Юрий Александрович, извините, я Вас перебыю. С одной стороны, да, действительно, многое поменялось, но с другой стороны, КБ — это нечто надвременное. Например, представления о добре и зле. Ведь русские сказки — как они тогда существовали, так они существуют и сейчас...
- С.** Не уверен в этом.
- К.** А вот для меня это вопрос.
- С.** А для меня нет вопроса.
- К.** Ну, хорошо, а восприятие *Емели, Колобка* или *Бабы Яги* в XIX в. и сейчас — это разные восприятия или нет?
- С.** У меня есть предположение, что это разные вещи. Но я не могу этого доказать. Второй вопрос, который мы сейчас обсуждаем, — это по сути сумма вопросов, и даже не к нам самим, а к проблемам. Отвечая на эти вопросы, мы можем поставить ряд исследовательских задач. Первую из них Вы сформулировали: простенький вопрос — проблема восприятия русских сказок современным читателем (детьми, естественно). Это раз. А второе — если вспоминать Лотмана, то появление

его комментариев, конечно, не случайно. Если Вы начнете читать книгу (она, кажется, не переиздана, к сожалению) «Русские салоны», которая представляет собой сборник выдержек из разных сочинений или воспоминаний, посвященных салонам, то Вы столкнетесь с удивительным чувством: все вроде бы знакомо, но поведенческие соотнесенности, правила, по которым играло то общество, вроде бы понятны, но в то же время абсолютно непонятны. Помимо некоторых житейских вещей, которые не изменились (например, комментарии типа «улыбается, смеется, кашляет» и т. д.).

Г. Ну да, почему Онегин убил Ленского. Это совершенно непонятно с точки зрения современного человека.

С. Абсолютно.

Г. По тексту совершенно непонятно: ведь он не хочет и страдает потом... А чего убил тогда?

С. Пушкин-то был Александр Сергеевич все-таки. И смотрите, как он изящно это сделал: в тексте очень неявно, имплицитно присутствует указание на прецедент, который диктовал ему именно этот поступок. Этот прецедент был зафиксирован в Кодексе и требовался правилами общества. И не известно, на что он ориентировался в большей степени, но в целом это была явная отсылка. Но с нашей точки зрения, конечно, не понятно, почему он не пожалел бедного мальчика. Ведь так может вопрос стоять. И у меня принципиальное несогласие с Красных по вопросу о КБ. Я бы вообще не говорил о КБ. Мы уже выяснили, что тут говорить о когниции достаточно сложно: то, что мы обсуждаем, — это не когниции и не только когниции как таковые, там есть еще многое другое. Я тоже задавал себе вопрос и не могу на него пока ответить, отличаемся ли мы, русские, от украинцев сейчас — это уже вторая исследовательская задача: сравнить восприятие тех же русских сказок не только русскими детьми, но и украинскими. Тогда мы, может быть, сможем ответить. (Кстати, в эксперимент мы можем запустить и другие виды коммуникатов.) У меня складывается впечатление, что мы считаем себя близкими, имеющими нечто общее не только на основании прецедентов (хотя они тоже могут на это указывать), я думаю, что в основе лежат какие-то глубокие идентификационные механизмы, которые не связаны с тем, что мы называем сознательным. Мы ощущаем это родство, или близость, так же, как близость между этносами и друг другом, на основании каких-то бессознательных предпочтений. Это тот идентификационный механизм, который позволяет, несмотря на все различия, считать, что мы не чужие с белорусами, украинцами и еще кем-то. Мы поставили третью задачу — показать, что чувство эмпатии существует и что оно является са-

мым главным. Именно оно, на мой взгляд, а не КБ. Последняя тоже присутствует, но она нужна только как система некоторых отсылок, чтобы показать, что я и ты пользуемся одними прецедентами и символами, что подкрепляет наше доверие друг к другу.

- Г. Дело в том, что мы очень долго размышляли над этой темой и обсуждали целый ряд вопросов и проблем, связанных с КБ. Когда мы говорим “КБ”, мы понимаем, что этот термин условен, за ним кроется, грубо говоря, некоторое ядро общих представлений.
- С. Вот как хорошо сформулировано! Ядро общих представлений, не КБ. Потому что если мы включаем термин “представления”, я с ним сразу соглашусь. Не смысл, не значение — представление! Я давно на этом стою.
- К. А чем Вам тогда не нравится термин “КБ”?
- С. Представление — это не когнитивия.
- Г. Когнитивия предполагает сознательность, как я понимаю. Дискурсивность.
- К. Ну, хорошо, а представления где существуют?
- С. Это не важно. Может быть, они существуют в голове. А может быть, не в голове. Может быть, они запрограммированы по всему Вашему телу.
- Г. А может быть, вообще мы в это входим. Это существует само по себе, а мы — часть.
- К. Все может быть. Все это очень хорошо. Но я все-таки не считаю, что сам термин “КБ” столь неприемлем. Когнитивная — поскольку связана с сознанием, база — поскольку имеет место некий способ хранения информации и оперирования ею.
- С. Во многом это дело вкуса. Вероятно, Вы хотите придать своим рассуждениям (и это верно, здесь нельзя ничего возразить) некоторую строгость. Но я считаю, что можно за этим не гнаться. Термин “представления” мне лаком потому, что он показывает, что может не быть структурированных более или менее приличным образом знаний. Термин “представления” хорош тем, что указывает на существование некоторых индивидуальных и групповых осознаний и обязывает нас к строгой структуризации. Почему с Сусаниным и Стахановым возникают такие вещи, которые очень трудно объяснить? С точки зрения представления, все логично: оно само по себе должно быть противоречиво.
- Г. Хорошо. Давайте вернемся к началу обсуждения нашей проблемы: есть КБ или ее нет? (Я позволю себе пользоваться нашим термином, хотя, возможно, Вы правы в своих возражениях.) Наши коллеги иногда высказывают сомнения в ее существовании, они считают, что нельзя говорить о каких-то единых знаниях и представлениях, общих

- для всех говорящих по-русски (справедливости ради замечу, что мы сами тоже выдвигали некоторые контраргументы существования КБ). Но мы все-таки пришли к выводу и продолжаем считать, что таковые есть. Анкеты, которые мы обработали (их около 100; мы сознательно распространяли их среди людей с не очень высоким уровнем образования), показали, что из 30 выбранных нами имен (ПИ) 22 являются прецедентными — “общими”, понятными, за ними стоит инвариант.
- С.** Думаю, что Ваших коллег смутил термин “КБ”. Если бы Вы сказали, что существует некоторая сумма общих когнитивных или каких-либо иных представлений о событиях, фактах, то они, пожалуй, с Вами согласились. Но КБ должна быть, если мы договорились, что у нас существуют некоторые феномены прецедентности, я бы сказал даже рискованнее: у нас существуют прецедентные архитипы... Попробуйте определить, что такое архетип в его связи с образом, даже читая Юнга... Можно предполагать, что прецедентные архитипы оркестрируются, аранжируются по-разному. Уже можно предполагать, что какие-то этнические единицы (X, Y и до конца алфавита) будут аранжироваться по-своему. У них будет своя, в этом смысле, когнитивная аранжировка.
- Г.** Вероятно, да. Хорошее определение. Правда, не известно, что такое архитип.
- К.** Я бы не стала замахиваться на архитипы.
- С.** Почему не стали бы замахиваться? Вам уже пора замахиваться, а не ждать, пока замахнутся другие. Тем более, что у Вас есть к этому возможность.
- К.** Юрий Александрович, одно дело — просто назвать нечто архитипом, используя это слово как метафору, и другое — вводить его как термин для определения некоторых понятий. Когда мы еще не очень понимаем, что такое архитип, называть не очень понятным термином не очень понятный феномен...
- С.** В этом я всегда буду возражать Красных. По мнению Красных, все должно быть сделано как в ЗАГСе.
- Г.** Красных — структуралист, Юрий Александрович. А Вы живете в эпоху постструктурализма...
- С.** Да, с точки зрения Красных, все должно следовать определенному порядку... Почему Вы боитесь метафор?
- К.** Юрий Александрович, дело не в этом. Я не пойму, что является индивидуальным до тех пор, пока я не пойму, что является “нормой”. Для того, чтобы говорить, что является индивидуальным представлением, я должна знать, что не индивидуально. Сначала я должна вычленить тот “скелет”, который все это держит, на который все это “живое тело”, все эти мышцы, кожа, морщинки “навешаны”. Я не могу начать с морщинок.

- С. На самом деле можно. Раньше, когда Вы говорили об этих проблемах, Вы опирались на интуицию. Теперь у Вас благодать — у Вас появились результаты экспериментов.
- К. Правильно, но наши эксперименты нацелены на выявление именно этого “скелета”.
- С. Да, конечно. Вы его и получите, если Вы этого хотите. Но это уже другой разговор — выяснить именно это или использовать метафоры для объяснения. Я считаю, что они выгоднее в ряде случаев.
- К. Для объяснения — да, но не для определения понятий.
- С. Но я и не определяю понятия таким образом, хотя и не исключаю способ объяснения понятия через метафору.
- К. Объяснения, но не определения. Я выступаю против того, чтобы использовать туманный термин для определения, именованного туманного (даже еще для нас самих) феномена.
- С. Я Вас умоляю, начиная с Ферса и кончая Малиновским или начиная с Малиновского и кончая Ферсом и всеми остальными гигантами, мы имеем дело не с чем иным, как с цепочкой метафор в филологии и в лингвистике. А от нас Красных почему-то требует строгого объяснения.
- Г. Даже Соссюр про листок бумаги...
- С. Кто нам навязал эту метафору с шахматами?
- Г. Как кто? Он же... У него их вообще много...
- К. Это все прекрасно, но я просто объясняю и отстаиваю свою позицию...
- Г. Давайте отвлечемся от проблем методологии... Я думаю, что все мы согласны, что некая единая когнитивная база все-таки есть. Вопрос теперь — что с ней делать?
- С. Я не понял. С чем затруднения?
- Г. Вопрос в следующем: как определить границы КБ, что в нее входит, какие единицы она объединяет, каково пространственное положение этих единиц и их структура? Единицами, которые включает в себя КБ, если следовать нашей логике, являются, очевидно, ПФ.
- К. И определенные знания, например, то, что $2 \times 2 = 4$.
- Г. Да, и элементы знаний...
- С. Я не понимаю, в чем трудность. Человек имеет на руках богатый материал, который надо только описать...
- Г. Юрий Александрович, я могу его описать, выдать такой описательный продукт: я послал анкету, получил результаты, я выявил, что существует 22 имени (может, их будет 21 или 23), которые знает не менее 75% русских (вероятно, больше), можно выявить некое ядро... Но вот я описал эти 22 имени. А дальше возникает вопрос: что еще входит в КБ. Понятно, что не только эти 22 имени.
- С. Конечно. Не только. Но здесь Вы ограничены материалом, и Ваша задача — описать его. И следующий шаг — имея приличную подго-

товку и понимая, что проблема не так проста, как кажется, Вы можете построить очень красивую теорию, выстроить ряд предположений по поводу характера этой КБ.

К. Что мы и пытаемся сделать.

С. Как раз здесь я за любые спекуляции на эту тему. Вы можете предполагать все, что угодно, даже говорить о том, как она устроена, какие компоненты входят в нее, и попытаться реконструировать эту базу, как в свое время делали многие великие люди, имея перед глазами таблицу Менделеева.

Г. Собственно, мы именно это и пытаемся делать, пытаемся ее реконструировать. Но...

С. Но что-то Вас смущает...

Г. Что делать с материалом, мне понятно, не понятно, что делать дальше. Давайте попробуем порассуждать. Например, то, что делает Хирш в Америке и с чем постоянно носятся там и что, благодаря Костомарову и прочим, активно развивается у нас. Отправной точкой теории Хирша о культурной грамотности (cultural literacy) стала некая ситуация в сфере американского бизнеса: руководители крупных фирм на одном из своих совещаний заявили, что их молодые сотрудники совершенно не умеют общаться и не имеют необходимых навыков общения (communication skills). Хирш сделал вывод, что причиной этого является то, что они мало читают и, следовательно, мало знают.

С. Я предполагаю, что Костомаров с удовольствием принял эту точку зрения: она очень богатая...

Г. Костомаров назвал это американской версией лингвострановедения, что меня, признаться, несколько удивило. Так вот, возвращаясь к Хиршу. Основной тезис — знание многих слов означает знание многих вещей. (Не будем вдаваться в подробности того, что есть слово.) Следовательно, делает вывод Хирш, должно быть нечто, что должны знать все американцы, чтобы они могли между собой общаться. Значит, нужно создать словарь. Что он и сделал. Правда, на основе чего он отбирал в него статьи, понять довольно трудно. Некоторые основные теоретические положения он изложил в книжке, вышедшей в 1988 году, “What Every American Needs to Know” (“Что следует знать каждому американцу”). А спустя несколько лет он с несколькими соавторами выпустил сам словарь. Он построен по идеографическому принципу: естественные науки, философия, религия, литература...

С. Почему это так Вас заинтересовало?

Г. Я объясню. Хотя это прямо не формулируется, но совершенно очевидно, что это чисто идеологическая вещь, которая являет собой сознательную попытку (может быть, впервые отрефлексированная, осознанная, т. к. неосознанно это делали еще со времен египетских фараонов) создать национальную когнитивную базу и определенным

образом ее структурировать. Самое любопытное в этом — реакция американцев на этот словарь (кстати, есть большая статья Костомарова на эту тему): в панлибералистской Америке он вызвал возмущения у многих, которые объясняли, что выбирать, что знать, а что не знать, — это личное дело каждого.

- С. Между прочим, сама постановка вопроса верная. Это может вызвать возражения не только в либеральной Америке. В принципе ни один человек сейчас не имеет права претендовать на то, что он создает КБ. Ее можно только выявить.
- К. Конечно, но мы-то в более выгодном положении находимся: мы ее именно выявляем и должны ее донести до других. Но словарь, например, Митя (по ПИ) будет носить не только “описательный” характер, выполнять не только презентующе-репрезентативную функцию, но и во многом функцию регламентирующую, поскольку сейчас происходит смена поколений и происходят очень большие сдвиги и изменения. Поэтому такой словарь будет выполнять две функции: с одной стороны, изначально заложенную, а с другой — фактически ту же, что словарь Хирша. Другое дело, что Митя будет не создавать КБ на участке имен, а поддерживать и в какой-то мере регламентировать...
- С. Совершенно, верно. Не знаю, как это лучше назвать. Регламентация — тоже не лучший вариант.
- К. Ну, считайте, что “регламентировать” — в кавычках, своего рода метафора.
- С. Я думаю, что Митя должен описать, скажем, некоторую допустимую норму и некоторую недопустимую “норму”, которую нужно учитывать и знать, что она не допустима, в том смысле, что она не верна как таковая. Но не более того. Только зачем Вам нужен Хирш?
- Г. В этом смысле мне Хирш не нужен. Но что здесь любопытно, хотя опять-таки этого никто прямо не говорит, — здесь речь идет об идеологии общества. И позволю себе в связи с этим высказать метафорически смелую мысль, что КБ сейчас играет ту же роль, которую играли мифы в жизни традиционного общества. То есть это есть некие эталоны, некие образцы, некие прецеденты поступков, есть некий пантеон героев, пантеон злодеев и т. д. Поэтому было бы интересно повторить тот эксперимент, который мы сейчас проводим, через 15 лет, например, когда уже, конечно, вырастет новое поколение.
- С. Вы успеете это сделать.
- Г. Надеемся. Но сегодня говорить о этом несколько трудно. Хотя уже сегодня наша анкета дает некоторые любопытные вещи, например, по тем же *Павлику Морозову* и *Павке Корчагину*. Априорно я предполагал следующие результаты: Павлик Морозов в анкетах ии. старше 30 получит скорее положительную оценку, а в анкетах ии. моложе 30 окажется малоизвестным именем или даст негативную оценку. Ока-

залось, что ничего подобного. Провести границу по возрасту или по региону совершенно невозможно, поскольку и *отважный герой*, и *ябеда* и *предатель* встречается во всех абсолютно категориях. Единственное, что удалось выявить на сегодняшний день — москвичи с высшим образованием дают значительно больше отрицательных оценок Павлику Морозову.

- В.** Я думаю, что со временем это изменится.
- Г.** Может, но и в среде молодых это еще не умирает. Конечно, у молодых это ниже, чем у старшего поколения, но все равно это порядка 70-80%.
- С.** Очень хорошо, что Митя создает словарь не директивный, а фиксирующий.
- К.** Фиксирующий и поддерживающий...
- С.** Я думаю, что именно это и надо фиксировать — состояние прецедентного имени как такового, и никакой чистки, элиминирования отрицательности или положительности не должно быть.
- Г.** Конечно, нет. Об этом речь и не идет. Но здесь возникает очень интересный вопрос: отомрет имя или не отомрет. Я не могу с какой-либо долей уверенности об этом говорить. И это в эксперимент пока не включалось. Однако по личным наблюдениям я могу сказать, что, например, прецедентные имена для людей моего поколения (35-40 лет), такие, как *Рахметов* или *Вера Павловна* с ее снами, вообще не “идут” среди школьников, хотя сам роман в принципе упоминается в школьной программе: о нем рассказывают и его вроде как даже читают. Но это совершенно ушло. У нас же это было абсолютно прецедентным.
- В.** Конечно, особенно сны Веры Павловны...
- Г.** А вот *Павлик Морозов* остался.
- С.** Ну, не будем гадать. Вы это увидите через 15 лет. Знаете, что я бы еще сделал в Вашем словаре? Помимо Вашего описания имен, я бы попытался описать “человеков” (поскольку они разные, очевидно, эти “человеки”), которые используют эти имена, описать их как некоторую единицу с установками и ценностями. Вы выходите явно на описание каких-то слоев через эти портреты.
- К.** Это очень сложно.
- Г.** Да, как раз слою выделять тяжело.
- С.** Почему? Вы можете описать студенчество сейчас, этого уже достаточно. Потом, москвичи с высшим образованием — что это за фигура такая?
- Г.** Юрий Александрович, это очень условная фигура.
- С.** Я понимаю. О ней можно говорить, конечно, во многом гадая, но выясняется, что почему-то в отношении прецедентов выявляется следующая закономерность: они или сугубо мелиоративны для кого-то, для других сугубо пейоративны. Дальнейший шаг — интеллигенция вообще пейоративна. Вот такие какие-то ходы, о которых можно не

- писать в послесловии, но, очевидно, все они будут сопровождаться какими-то пояснениями или вступительными статьями.
- Г.** В этом деле вообще много интересных вещей, о которых следует говорить. Во-первых, я с удивлением обнаружил, что я не могу включить в число национально-прецедентных такие имена, как *Малюта Скуратов, Тарас Бульба, Гришка Отрепьев, Манилов...*
- К.** Что удивительно...
- Г.** Но для москвичей с высшим образованием это, конечно, стопроцентно прецедентные имена.
- С.** Ну вот видите. Расслоился... расслоился словарь. Все равно это нужно описать.
- К.** Дело в том, что в анкетах и по ПИ, и по прецедентным высказываниям три задания. Последнее носит, так сказать, дискурсивный характер: продолжите фразу *“Он назвал его Малютой Скуратовым, потому что...”* Здесь мы очень условно, но можем говорить о функционировании этих единиц и их употреблении. Интересно, что неожиданно здесь появляются слова очень редкие в обычной речи, например, *“прощельга”* и т. д.
- Г.** Да, действительно, в ряде случаев по какому-то имени начинает идти вдруг высокая частотность в принципе низкочастотного слова, типа *“прощельга, пройдоха, скупердяй”*. Так, при характеристике Плюшкина *“скупой”* и *“скупердяй”* встречается в анкетах приблизительно одинаковое количество раз.
- С.** Вот еще один признак прецедента, от которого мы уходили — специфика его употребления. Значит, прецедент помнит о своем употреблении. Автоматическое предъявление прецедента ведет к активации того контекста или смежных лексических групп, на пересечении которых стоит это “слово”. Иными словами, прецедент может характеризоваться большим или меньшим, синхроническим или диахроническим расстоянием.
- К.** То есть, если говорить метафорически, это некие узлы АВС (ассоциативно-вербальной сети).
- С.** Да. Это узлы, несомненно. Прецедент “помнит” об этом, и поэтому начинают появляться лексические единицы, которых Вы не ожидали. Значит, использование прецедента невольно провоцирует какую-то ассоциативную цепь, которая не реализовывается в ряде случаев в ситуациях (если редко встречаются такие ситуации, в которых используется данный прецедент). И вдруг неожиданное его появление активизирует всю цепочку, которая хранится где-то в запасе.
- К.** Прелесть прецедентов именно в том, что они порождают такие ассоциации.
- С.** Да. Прецедент — это свернутая, очень обобщенная ассоциация, которая помнит о себе и о своих соседях. И это тоже нужно описать.

- К.** Точнее, наверное, говорить, что это свернутая ассоциативная цепочка.
- С.** Да. Конечно, цепочка. И помните, мы говорили о пошаговости прецедента? Значит, он шагает в синхронию / диахронию, короче / длиннее. Он так и существует. И тогда мы можем описать через эти признаки, что это такое. Если феномен подпадает под какой-либо под этих признаков или под набор этих признаков, то он заведомо прецедент.
- Г.** Но есть и еще одна любопытная вещь — прецедентные имена-синонимы. Так, *Отрепьев* набирает около 50%, поэтому я его как прецедентный не рассматриваю (я для себя принял условный порог в 75%), но он дает интересную картину. Одно из заданий звучало так: “*Вы прочитали название статьи «Гришка Отрепьев на трибуне». О чем эта статья?»* Чуть ли не пять ответов — Жириновский. Ведь это безумно интересно. Весь этот комплекс самозванца, который настолько четко воплощается в этом человеке. Почему? Ведь самозванства в чистом виде, строго терминологически, там нет, но это однозначно увязывается с Жириновским.
- К.** Я думаю, что “работает” еще внутренняя форма — *Отрепьев*.
- Г.** Ну, тут да...
- С.** Ну, вряд ли...
- В.** Но здесь может быть и внешний образ...
- К.** Но тогда необходимо знать (иметь представление), как именно выглядел Гришка *Отрепьев*...
- Г.** Я не уверен, что здесь с этим образом связано... Другой пример: в Тверской области, куда я заслал свои анкеты, *Тарас Бульба* вдруг неожиданно “ест лук”. Там было 8 анкет, так вот это отмечено в 3 или 4 анкетах.
- К.** Извини, я тебя перебыю. Мое испорченное цивилизацией сознание сразу выкинуло мне ссылку на телевидение. Незадолго до проведения анкетирования по телевизору шла передача “*Маски-шоу*” с пародией на “9 1/2 недель”.
- Г.** Да, и там был хохол, который кормит девушку... В фильме Мики Рурк кормит Бессинджер, там очень красиво...
- С.** Да-да-да, вспомнил.
- Г.** А здесь хохол кормит любимую: он дает ей лук, сало, яйца вареные... довольно смешно это все сделано...
- К.** Так вот выяснилось, что я была абсолютно права и с передачей это никак не связано.
- Г.** Оказывается, на карельском языке особый вид лука — маленький лучок в супе... я не помню точно, но это как-то похоже звучит... (в принципе это понятно: древний корень, по многим языкам...)
- С.** Это не важно, в принципе они его опознали.

- Г. Да, это так же как у детей, которые не знают, кто такой *Плюшкин* — “булочки любит”, “очень толстый”.
- С. Это все — еще одно доказательство того, насколько некогнитивным, незаконным может быть представление. Собственно говоря, освоение прецедента начинается именно с этого. И если нет представления о нем, допустим, школьного или университетского, то человек обычно будет работать именно в этих категориях.
- К. Но тогда это не прецедентный феномен.
- Г. Вы знаете, в Архангельске была одна замечательная анкета. Задание: “Он назвал своего друга *Плюшкиным*. Что он имел в виду?” Ответ: “Толстый был”. Это понятно — Плюшкин, плюшки. Дальше. Задание: “Вы прочитали название статьи “*Плюшкин с овощной базы*”. О чем эта статья?” Ответ: “Все гноит.” Дальше. Задание: надо закончить фразу “Он назвал своего друга *Плюшкиным*, потому что...” Ответ: “он скупой”. Вот что интересно. Я понимаю, что связи с прецедентным текстом для ии. нет, т. е. знаний о “реальном” *Плюшкине* в данном случае не существует, т. к. назвать его толстым, если имеешь хотя бы минимальное представление о поэме, невозможно. Но “*Плюшкин — скупой*” — это есть. То есть “скупой”, а дальше идет по форме имени — “толстый”. Следовательно, опять вопрос о прецедентном тексте, поскольку в данном случае ясно, что текста человек не знает, но имя функционирует уже как нарицательное.
- К. Здесь во втором и третьем случае имя *Плюшкин* функционирует как ПИ, в первом случае это имя не прецедентное. ПИ — это имя, за которым стоит инвариант восприятия, представление, образ и т. д., и т. д. Если такой инвариант есть, тогда да, тогда это прецедент. Но когда я говорю: “Герой поэмы Гоголя *Плюшкин* сделал то-то и то-то” — я использую это имя не как прецедентное.
- Г. Денотативное и коннотативное употребление имени.
- К. Вот-вот.
- С. Как Красных жестоко относится к людям! Она ведь их выстраивает по ранжиру: если ты мне, подлый, не скажешь, что это Николай Васильевич Гоголь и что это в небезызвестной поэме, то тогда-тогда-тогда...
- Г. Нет, Юрий Александрович, нет. Мы абсолютно по-другому говорим. Тут опять большой вопрос. Я условно говорю об “опознавании” имени. (Красных считает этот термин не совсем удачным, и я в принципе с ней согласен. Но здесь я его употребляю как условный, рабочий.) Если ответ попадает в инвариант, минимизированное представление, образ, в центр или в периферию... Условно говоря, *Стенька Разин* — здесь однозначно вырисовывается центр: удаль, лихость, явно какие-то бунтарско-разбойничьи наклонности. Утопил жену — это периферия. Но все-таки в инвариант это тоже входит; это может быть “топил

жену”, “убил жену”, “в воду толкнул”, даже “выбросил женщину из машины”, кстати.

С. Нормально.

Г. В одной анкете было написано: “Новый русский бандит, который выбросил женщину из машины”. Тут вообще все есть: и центр, и периферия.

С. Ну, а с Плюшкиным что?

Г. Если ответ в это (в центр или периферию) попадает, то я такой ответ включаю. Я понимаю, что человек знает имя. С другой стороны, в одной анкете, которую заполнял учащийся ПТУ, который всю анкету разрисовал свастикой...

К. Маргинал...

Г. Да, он написал “Плюшкин — зоофил”. В данном случае, я считаю, что человек этого имени в общем не знает.

С. Я согласен.

Г. Для него инварианта нет.

С. Или искажает...

Г. Я вообще достаточно жестко себя вел. Я отбрасывал анкеты, где написано, например, “герой «Ревизора»”. Это не важно, некоторые писали “герой «Мертвых душ»”. Хотя здесь тоже интересно. Софья Ковалевская, например, оказалась героиней романа “Молодая армия”. Там много было хороших ответов...

С. Это надо описать в специальном разделе.

Г. Вот эти вещи показывают, знает человек или не знает. Когда человек мне пишет “Колумб — это значит, что он Африку открыл”, это я включаю. Хотя это Африка, и человек явно... Но “открыл”! Транзитивный глагол и есть прямой объект, который он открыл.

С. Важно, что он доказывает: есть прецедент, он существует.

Г. Да. Значит, данный инвариант у данного человека есть. Поэтому, если этот человек прочитает название статьи “Колумбы Сибири”, он поймет, что имеется в виду: он поймет, что что-то открыли в этой Сибири. А если человек считает, что Плюшкин только булочки любит и больше ничего, то этого я включить не могу. Или Обломов — это тот, который всех “обламывает” (любимый ответ в ПТУ).

С. Вы имеете на это право и должны так поступать, только это надо оговорить специально: существует некий класс ложных прецедентов. Причин их возникновения мы не знаем. (Очевидно, нужно проводить дополнительные опросы.) Они могут быть связаны с личными установками против / на эксперимент, с уровнем знаний и т. д., но эти феномены нужно все равно описать. Поскольку они сами по себе характеристика, характеристика какой-то странной ломки или освоения...

Г. Здесь вот еще что. Однозначно, конечно, что общество сознательно или бессознательно пытается этот ряд, этот пантеон имен и вообще совокупность этих феноменов как-то в человека вкладывать. Кстати,

- в том числе путем изменения школьной программы, переименования улиц, станций, снятия памятников и их возведения и т. д. Но, несмотря на то, что в течение последних лет десяти *Павку Корчагина* или *Павлика Морозова* положительно никто не характеризовал (хотя Морозов и до этой ломки для многих существовал со знаком “минус”), оценки дают разброс примерно 50 на 50...
- С. Думаю, что это просто объясняется, потому что одно дело — навязывание истолкования по удобной идеологической схеме, и другое дело, если человек читал хотя бы в отрывках, когда речь идет о самой фактуре непосредственного представления персонажа. Нельзя же в самом деле отрицать талантливости человека (Н. Островского), который делал этот текст. Поэтому влияние фактуры на идеологические установки оказывается сильнее. И современные установки на переакцентуацию ценностного знака просто не срабатывают.
- К. Может быть, здесь есть еще и другое? Ведь предательство в русском народе (во всяком случае, как мне кажется) никогда особенно не приветствовалось. А трудолюбие... нет, наверное, не это... приверженность, если угодно — фанатизм, но со знаком “плюс” никогда не было однозначно отрицательной чертой.
- С. Это так, нужно с этим связать... Это очень хорошо связывается.
- Г. Действительно, классифицировать каким-то образом ответы по *Павке Корчагину* очень сложно. Пара ответов было весьма удачных: “*одержимый ложной идеей, но кристально честный*”. Очевидно, это наиболее точная формулировка. И что из этого я буду актуализировать в той или иной ситуации...
- С. ...это зависит от меня. Совершенно верно.
- К. Это может зависеть от ситуации.
- С. От ситуации и от меня. У меня большой выбор... Кстати, еще один признак прецедента.
- К. Седьмой?
- С. Да. Прецедент — это неявная шкала.
- Г. Да, аксиологичность здесь есть.
- С. Очевидно, это скользящая шкала оценок. Хотя могут быть представлены и полярные точки, как в случаях, которые мы только что обсуждали. Имя зашкалировано.
- Г. Да, при этом набор дифференциальных признаков и атрибутов, стоящих за именем, очень жесток и мало меняется, но знак оценки может меняться достаточно существенно. Иначе говоря, “*одержимый ... идеей*” — эпитет может меняться: “*ложной*” на “*правильной*”, — но структура сама по себе остается.
- С. Когда я говорил о скользящей шкале прецедента... есть три знака. Оценка может двигаться постепенно или оценка бифуркационна, как выразился мэтр Базылев. Было бы интересно выяснить, переход осуществляется рывком или нет. Другими словами, знаки меняются сра-

зу или плавно плывут по шкале. Можно поставить отдельный эксперимент.

- К.** По-моему, это очень зависит... Согласитесь, что сейчас идет ломка, причем именно на уровне представлений, т. е. оценки, коннотаций... Кардинальные изменения за 10-15 лет — это рывок или нет? Я думаю, что с точки зрения исторической перспективы это рывок, скачок, все, что угодно, поэтому и катаклизмы, и конфликты...
- Г.** Вопрос в том, как это происходит. С одной стороны, изменение знака, с другой — возможно забвение. Вот в чем дело. Например, “*сокол Дзержинского*”. Я не уверен, что *Дзержинский* поменял знак, скорее он просто забылся... Значит, этот процесс (“забывания”) может идти достаточно быстро. Еще пример, слово *Лубянка* все-таки в течение очень долгого времени было, безусловно, прецедентным. Сейчас это уходит. Я помню свой шок, когда переименовали станцию. Это было очень смешно.
- В.** Да, пожалуй.
- Г.** А сейчас я шел и увидел, что в метро (кстати, недалеко отсюда) продавали билеты на вечер юмора, который называется “*Шутки на Лубянке*”.
- К.** Что-о?!
- В.** Как?!
- Г.** Самое главное, что люди покупают, и никому как-то в голову не приходило, что... Хотя я думаю, что организаторы ничего такого не имели в виду, просто вечер должен был состояться в каком-то ДК, а он находится как раз где-то в том районе.
- С.** Я представляю Вашу реакцию: не нужны мне Ваши шуточки. Да, но мы уже начинаем ставить вопросы на будущее.
- К.** Тогда, пожалуй, стоит подвести некоторый итог сегодняшней встрече.
- С.** Да, похоже, мы уже все обсудили и сейчас ничего нового уже не придумаем.
- Г.** Ну, придумать-то можно, но...
- К.** Я думаю, что самое главное мы уже проговорили, хотя бы в самых общих чертах, и сделали некоторую заявку на будущее, поставив ряд актуальных, на наш взгляд, вопросов.
- Итак, тот или иной феномен, культурный предмет может претендовать на статус прецедентного, если обладает следующим набором признаков:
- 1) является фактом;
 - 2) отличается повторяемостью;
 - 3) обладает маркированностью;
 - 4) обладает рефлексированностью (сильной или слабой);
 - 5) отличается клишированностью (сильной или слабой);
 - 6) представляет собой свернутую ассоциативную цепочку;

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1998. - Вып. 4. - 128 с. ISBN 5-7552-01-11-0

7) обладает шкальностью оценок.

Прецедентность, таким образом, очевидно, представляет собой совокупность данных признаков.

Прецедентные феномены являются ядерными элементами КБ. Говорить о наличии некой национальной КБ, по-видимому, можно, однако структура ее достаточно условна, т. к. центр и периферия КБ, вполне вероятно, будут меняться в зависимости от территории (в прямом смысле) функционирования: центр или периферия, провинция. Следовательно, необходимы дополнительные исследования, которые подтвердили бы или опровергли наши априорные представления. Далее, необходимы исследования по выявлению “горизонтальных” границ национальных КБ и “вертикальных” границ внутри одной КБ (изменения во времени). Ну, и наконец, необходимы исследования по выяснению шкалирования конкретных феноменов.